

Михаил
Синельников

ЛЮБОВЬ К СВОИМ ИСТОКАМ

Сначала я познакомился с Касымханом Бегмановым, потом и с его произведениями. Известный казахский поэт скромнен, неприязнителен, не слишком разговорчив, в разговоре его голос негромок. Но произнесенное слово весомо, и тот же голос с узнаваемым тембром оказывается в стихах пронзительным, набирает силу, порою становится громовым. Я почувствовал, что столкнулся с большим лирическим дарованием, с неподдельно самобытным и свежим явлением поэзии.

Вообще творчество Бегманова разнообразно. Это не только лирика, ностальгическая, или любовная, или та, что именуется гражданской. Как-то все это нередко соединяется в один сплав. Первый признак крупности таланта – то богатство интонаций и оттенков, при котором немногими и все теми же, но многослойными словами одновременно говорится о разном.

Существенное место в книгах Касымхана занимают стихотворные портреты и отдаленных временем литературных предшественников, и старших современников, и друзей юности, на утре дней шедших по той же многотрудной дороге и, увы, растаявших в дорожной пыли. И горестно оплакиваемых и вспоминаемых с благодарностью. Поэт осознает себя звеном в необрывающейся цепи. И даже с какой-то буддийской верой в вереницу перевоплощений ощущает себя все тем же народным певцом, в должный час явившимся в новом обличье. Мысль высокая! И ведь скромность скромностью, но поэту просто необходимы и понимание масштаба явлений, и вера в собственное призвание, в неслучайность своего прихода в мир. Все же от появления некоторых стихов хоть что-нибудь должно измениться в мире. Иначе зачем они пишутся? Для прочтения на корпоративном празднике, для домашнего употребления?

Так затевается разговор с великими предшественниками, оставившими правнукам и наследство, и поручение. Вот строчки из записной книжки, ставшие эпиграфом к стихотворению о мудром учителе нации Абае:

Увидеть, как растет заря,
И в сердце тайна проскользнет.
Мечтать, с поэтом говоря, –
Начать в душе переворот.

(Здесь и далее цитаты в моем переводе. – М. С.)

С особым чувством я переводил стихи, посвященные памяти Аскара Сулейменова:

В Сызгане вновь вышла весна на простор...
 Рожденный в Шорнаке, в преддверии гор,
 Пришел в этот мир Асеке благородный,
 Чтоб дать безрассудству суровый отпор.

Когда по знакомым дорогам пройдешь,
 Раздумья всю местность окинули сплошь.
 В краях Алматы проходил я с ним рядом.
 Ах, был из живущих ни с кем он не схож!

Лишь осень в душе. Как воспеть мне весну,
 Отцветшую в прошлом, подобную сну!
 Как поезд, промчавшийся без остановок,
 Прошло это время, встряхнув тишину.

Рожденный в Шорнаке,
 возросший в степях,
 Лил тайные слезы, их видел Аллах.
 Подобный пророку, просил он того лишь,
 О чем помышляют Созак и казах.

Весна навестила край Баба-ата.
 Рожденный в Шорнаке, он в эти места
 Пришел дать суровый отпор безрассудству,
 Пришел Асеке в этот мир неспроста.

Сказанное меня тронуло и потому, что я был знаком с этим выдающимся казахским литературным критиком и мыслителем. И навсегда запомнил его замечательные слова, прочтально заключившие наш с ним долгий разговор: «Мы все – из округа Йокнопатофа!» Да, не только у гениального Фолкнера была своя провинция, малая родина, родной клочок планеты. И ведь довольно знать и любить частицу мира, чтобы иметь некоторое представление о мире в целом. Вселенная, макрокосм, зеркально отражается в микрокосме.

Проникновенны стихи Касымхана Бегманова о детстве и юности, проведенных в степном ауле. О первых наставниках, односельчанах, о первой любви, о так рано покинувшей дольний мир матери:

Разве может напев оборвать соловей
 И джигит позабыть об отчизне своей?
 Мать святая моя мне припомнилась вновь.
 Хоть давно ее нет, всей душою я с ней.

Снова мне драгоценная вспомнилась мать,
 Что вскормила, взрастила, смогла воспитать.

Всю-то жизнь принимавшая всех, как родных,
Свет своей доброты сияясь людям отдать.

Так внезапно ушла от меня навсегда
Та, которой сломить не сумела нужда.
На дороге, объятай вечерним теплом,
Я о матери вспомнил, и память тверда.

Оба мира в раздумиях взвесить могла,
Но из брэнного мира навеки ушла.
Всех тоскующих жизнь продолжаю теперь...
Обездоленных ноша душе тяжела.

Так понятна, так трогательна любовь к своему истоку, к своей колыбели! Но и праотцами человечества замечено, что нельзя вечно пребывать в колыбели. Выходящая из аула дорога становится дорогой в большой мир. Ностальгия неизлечима, однако ощущение свершившейся личной судьбы однажды соединяется с мыслью о судьбе всеобщей. В лирике с годами возникают и религиозные мотивы, и отчетливый космизм...

Давным-давно сказано: «История принадлежит поэту». Во многих своих стихах и, конечно, в поэмах Касымхан является и правдивым историком и многих обжигающе трагичных человеческих судеб, и тех катастрофических событий, которые обрушивались на его народ, изменяя все течение многовековой степной жизни. В исторических поэмах присутствует величие замысла. Величественна и сама степь, все же сохранившая обломки минувшего и воспетая с большим воодушевлением:

Эта степь вся в извивах путей вековых,
С городами, с руинами кладбищ глухих.
Воет ветер, что все здесь тоской просквозил,
Птичьи стаи взвываются с ветхих могил.

Степь, бескрайняя степь, чья широкая грудь
Вся исхожена тиграми, – не оглянуть!
Но не в этой земле прах покоится ваш,
Храбрецы, защищавшие предков Алаш!

Степь, наследие дедов, удел золотой,
Отчего ты наказана лютой бедой?
Ты угрюма...

Но все нам поведать смогла
Скорбь балбалов, застывших немой чередой.

Степь, наследье великое, предков страна,
Чьих преданий исток – всех времен глубина.
Редко-редко льют слезы над ней облака,
Оттого ль, что припомнила павших она.

От врагов утаившая тайны свои,
 степь в цветах – приняла она ливня струи...

Смотрят дети на фото, что сняты давно,
 но печали былой им постичь не дано.

Как понять, что здесь голод безжалостный был!
 Скольких словно бы огненный вихрь истребил,
 Прах столь многих – вдали от отцовских могил...
 Кто сюда завернет, пусть почтит их словами Корана.
 Спешься. Рядом постой.

(Отрывок из поэмы «Завет Алашорды»)

Поэтическое переложение не может быть во всех случаях стопроцентно точным, не может быть буквальным. Нелепым было бы предположить, что перевод должен быть тождественен подлиннику. Сказанное поэтом непереводимо прежде всего на собственный язык поэта, ибо не может быть пересказано другими словами. Тождеству перевода и оригинала противится сам дух языка, заключающийся в звучании поэтической речи и в особенностях системы стихосложения. Но поэт-переводчик, обязанный все же стремиться к предельной близости со всеми смыслами подлинника, к точности всех деталей, обязан создать правдоподобный образ переводимого поэта. Выразительная и энергетически мощная поэзия Касымхана Бегманова безусловно заслуживает усилий поэтов-переводчиков.

По моему ощущению это та редкая разновидность поэзии, которая всем своим обликом показывает, что она состоит не только из слов, но еще и из некоего веянья. Идущего к нам из заоблачного далекого далека и вселяющегося в слова.

В апреле 2018 года отмечают:

80-летие

Газизбек ТАШИМБАЙ, прозаик

70-летие

Бегимбай УЗАКБАЕВ, прозаик

60-летие

Шамшия ЖУБАТОВА, поэт

Абдул-Хамид МАРХАБАЕВ, прозаик, литературовед

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

